

ХОРОШИЕ ПЕСНИ

— Ой, батюшки, еле дошла! Совсем ноги не ходят на старости лет.

Грузная пожилая тетенька опустилась сразу на два свободных места. На- против сидела красивая молодая женщина с мальчиком лет пяти. Электрич- ка, следовавшая по маршруту Санкт-Петербург — Роцино, отправлялась че- рез три минуты.

— Сынишка?

— Да.

— Похож. Маму любишь? Слушаешься? На конфетку. Бери.

Денис — так звали мальчика — пристально посмотрел на большую, старую

женщину, пахнущую жареными пирожками. Взглянув на маму и получив знак одобрения, он нехотя взял конфетку и засунул ее в карман.

— Спасибо.

— На здоровье, кушай. Молодец, спасибо говорит, а то сейчас разве чего хорошего от молодых дождешься?

Мама Дениса опустила глаза на билет, который вертела в руках с самой по- садки.

— Денька, смотри! У нас билет счастливый. Видишь, надо сложить эти три цифры. Считай: три плюс три, плюс шесть, получается двенадцать. А теперь складываем вот эти три цифры — четыре плюс пять, плюс три. Получается тоже двенадцать. Если сумма одинаковая, здесь и здесь, значит, билет счаст- ливый, можно загадывать желание.

Дениска с серьезным видом взял билет в руки и стал пристально его изу- чать, что-то бормоча себе под нос.

— Мама, а если счастливый билет нам достался, то у всех остальных людей несчастные билеты? Давай загадаем желание, чтобы у всех тоже были счаст- ливые билеты!

— Да нет, у других просто билеты, обычные, а у нас счастливый! — Мама улыбнулась и обняла его. — Но если хочешь, то загадай, чтобы все люди были просто счастливыми, без билетиков.

— Шустрый какой! Соображает.

Тетенька нагнулась к Деньке так близко, что он смог разглядеть каждую черточку на ее большом лице.

— Тебе сколько годиков?

— Пять.

Дениска очень гордился тем, что когда отвечает на этот вопрос, он не по-

казывает, как маленький, количество лет на пальцах. Наверное, малышам кажется, что взрослые не очень понимают слова, поэтому они на всякий случай добавляют пальцы — для ясности.

— Ты гляди, а не скажешь. На дачу еду, — как-то сразу, без плавного пере- хода, так и не объяснив, почему «не скажешь», сказала попутчица. Из даль- нейшего ее рассказа Дениска с мамой узнали, что зовут ее Галина Федоровна, и что на даче у нее уже четыре месяца нет света, и как ей тяжело от этого, а еще от того, что никому нет дела до ее света и до нее самой. И кому она только не писала, и куда только не ходила.

— Вот, в Думу написала. Пусть хоть что-то хорошее сделают. А то сидят там, что-то высидивают, да никак высидеть не могут.

Дениска слушал Галину Федоровну с большим интересом. Слушал и обду- мывал, как он может помочь женщине в этой непростой ситуации. Внезапно его осенило.

— Чтобы что-то высидеть, надо правильную температуру в помещении поддерживать.

— Какую температуру? — Галина Федоровна выглядела совершенно обе- скураженной.

— Теплую. Вы знаете, что яйца хранят в холодильнике, чтобы из них цы- плята не высиделись?

Галина Федоровна в нерешительности смотрела на Дениса, как бы прики- дывая: он издевается или искренне пытается помочь? Решив, наконец, что он ребенок еще и ничего не понимает, она продолжала:

— Сбил меня... О чем я говорила-то... А! Порядку в стране нет. Вокруг жулье да хамы.

В это время электричка остановилась, и в вагон ввалились молодые люди: яркие куртки, разноцветные дреды, нелепые шапки всех цветов радуги, на ком-то индийские штаны-алладины, сразу обращающие на себя внимание,

а кто-то и вовсе в шортах — это в конце-то октября. Раскрасневшиеся, весе- лые, они наполнили серый, скучный вагон атмосферой свободы и праздника.

— Вырядились, хулиганье.

Галина Федоровна переложила сумку к окну и придвинулась к ней поближе, демонстрируя всем своим видом, что не поддерживает ни молодежную моду, ни саму молодежь. Она наклонилась поближе к Денискиной маме и зашептала:

— Знаю я таких, у них одно на уме.

— Что? — Денис, затаив дыхание, ожидал ответа, переводя взгляд с Галины Федоровны на ребят и обратно.

Мама, дернув Дениску за рукав, быстро вернула его на землю:
— Хватит во взрослые разговоры вступать. Сиди и смотри в окно. Не успел Денюха что-нибудь возразить, как молодой парнишка с маленькой

бородкой и ярко-зеленой шапкой отделился от группы, подмигнул, проходя мимо, Дениске и опустился на место прямо за спиной Галины Федоровны. Из-за своих внушительных размеров женщина не увидела, что представитель столь не любимой ею молодежи сел за ней, и продолжила свой монолог:

— Идет, лыбится. Наглые! Вот вы подумайте, они ж на всем готовом живут, а свою страну не любят. Только бы ничего не делать, а денег много иметь. Работать не могут, не умеют. Вон вставили в уши свой рэп и ничего не знают, что вокруг делается.

Мама Дениса, испытывая неловкость, развернулась к окну вслед за сыном. Тем временем сидевший за Галиной Федоровной молодой человек встал и подошел к своим. Денис, скосив глаза, наблюдал, как Зеленая шапка, — так он про себя назвал этого парня — о чем-то горячо говорил со своими друзьями, просил их, или убеждал, периодически поглядывая прямо на Дениса. Его друзья тоже на него смотрели. От этого Денюха даже немного испугался. Он-то тут при чем? Но тут Зеленая шапка подмигнул ему и улыбнулся, а его друзья как-то задвигались, стали открывать свои рюкзаки, яркие сумки, снимать наушники, выключать планшеты. И буквально через несколько секунд на глазах у всего вагона они встали — большие, яркие, молодые, сильные — и запели! Запели, как настоящий русский хор, на разные голоса, а солистом оказался Зеленая шапка.

Призрачно все в этом мире бушующем,
Есть только миг, за него и держись.
Есть только миг между прошлым и будущим,
И именно он называется жизнь!

Они пели так сильно, красиво, душевно, что казалось, колеса стали стучать им в такт, и рельсы, не желая оставаться в стороне, тоже начали выводить свою партию. Многие в вагоне встали, стали снимать на свои телефоны. Лица некоторых приняли задумчивое выражение —

как будто пришло время по- думать о главном, иные тихонечко вытирали набежавшие слезы.

Протянув на разные голоса: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь!», ребята закончили петь. Воцарилась тишина, а потом раздались аплодисменты — громкие, дружные, добрые, как будто хлопали не ребятам, а песне, полям, лесам, России.

Галина Федоровна не аплодировала, она тихонько отвернулась к окну и почему-то загрустила. Денька посмотрел на нее, на маму, встал, смело подошел к хору и, развернувшись к зрителям, запел, что есть мочи:

Шел отряд по берегу, шел издалека,
Шел под красным знаменем командир полка...

И вдруг он почувствовал, что летит. Кто-то поднял его на руки, кто — Денька не успел рассмотреть, да и неважно это было. Его песню подхватил целый хор — он, Денис Прошин, был теперь его солистом. И вместе с ним, следом за ним пели все они — большие, красивые, сильные и смелые.

Мы — сыны батрацкие, мы — за новый мир, Щорс идет под знаменем,
красный командир. Э-э-эх, красный командир!

А потом аплодировали все: и ребята, и Денис, и все, кто был в вагоне, и даже Галина Федоровна.

Весь оставшийся день Денис проходил счастливым. Ему было так радостно, что он живет в такой прекрасной стране — с такой молодежью и с такими песнями.